

A detailed oil painting of a motorcycle with two riders. The riders are wearing black leather gear and helmets, riding on a dirt path through a forest with vibrant autumn foliage in shades of orange, red, and yellow. In the background, a rustic wooden cabin with a gabled roof is partially visible. The overall style is painterly and atmospheric.

ЗДЕСЬ
ВСЁ РЯДОМ

АННА
ДАШЕВСКАЯ

Анна Дашевская

Здесь все рядом

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69906748

Аннотация

Иногда всё складывается так, что никак невозможно продолжать жить, как раньше. То ли судьба тебя подталкивает в спину, то ли дорога сама сворачивает совсем в другую сторону... У Таты Голубевой была обыкновенная, скромная, немного сонная жизнь. Квартира в тихом центре Москвы, работа в детской музыкальной школе, отсутствие проблем, потому что все их разрешает хозяйка дома, властная бабушка. Но бабушка умирает, и обычная жизнь начинает осыпаться, словно старая штукатурка. Маленький городок в Тверской области, куда Тата попадает, выполняя последнюю просьбу бабушки, поначалу кажется райской долиной. И работу ей здесь предложили, и жильё дали, и родственница нашлась, и новая любовь уже на пороге. Но Тата начинает разыскивать факты из истории своей семьи, и находит столько неожиданного, что ничто не может оставаться на своём месте. Старые друзья оказываются совсем не теми, за кого себя выдавали, монастырские стены хранят не только свои тайны, и опасность подбирается всё ближе. А однажды в городке обнаруживают труп...

Содержание

Часть 1. Наследство	4
Часть 2. Перемены	39
Часть 3. Осень, золотая и не очень	59
Часть 4. Справедливость? Ай, бросьте!	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Дашевская

Здесь все рядом

Часть 1. Наследство

Бабушка умерла через два дня после того, как ей исполнилось девяносто.

Приняла поздравления от всех, кто позвонил, начиная с родственников и заканчивая управлением здравоохранения Москвы. Выпила с семьёй шампанского – настоящего, “Moët&Chandon”, а не какого-нибудь простенького просекко! На следующий вечер сходила с невесткой на органнй концерт в соборе Петра и Павла, придя домой, попросила ещё бокальчик шампанского и легла спать. А утром попросту не проснулась...

После похорон мы с мамой сели на кухне, пытаюсь осознать: как это, мы тут вдвоём? Всегда же была бабушка!

– Таточка, надо завтра к нотариусу сходить, – сказала мама, рассеянно собирая со скатерти хлебные крошки.

«Вот досталось бы нам от бабушки за такой беспорядок!» – пронеслось у меня в голове.

Вытряхнув эти мысли, я переспросила:

– К нотариусу? Зачем?

– Ну так завещание же!

– Ма, какое завещание? Что туда вносить, эту квартиру? Больше у нас ничего нет!

Мама тяжело вздохнула, и я поняла, что не так всё просто, как мне всегда казалось.

– У Александры Михайловны был счёт в банке и ячейка в хранилище, – объяснения прозвучали для меня странно.

– Ячейка? А там фамильные брильянты? – я хихикнула.

Ну, не вязалась в моём воображении бабушка, врач с шестидесятилетним стажем и характером «железной леди», и нечто, спрятанное за сейфовыми дверями в банке.

– Не знаю, что там, мне не сообщали, – сухо ответила мама. – Но мне известно, что Александра Михайловна стала хранить там какие-то свои вещи после твоего замужества.

Тут я заткнулась, разумеется.

Наверное, надо кратко пояснить, как всё это скрутилось в такой странный узел...

Итак, я зовусь Татьяна... Поскольку преподаю, ученики называют меня по имени и отчеству, Татьяна Константиновна, но такой вариант остаётся в стенах школы. Имя это я не люблю, поэтому откликаюсь только и исключительно на Тату, и впредь так будет. Несмотря на вполне солидный возраст – а мне исполнилось в мае двадцать девять – жила я с мамой и бабушкой, вернувшись в родной дом после развода. Брак оказался плохой идеей. Может быть, именно этот человек для меня не подходил, или я для него, но ничего у нас не вышло.

Бабушка, Александра Михайловна, была матерью моего отца. Да, вот такой странный альянс... Отца я практически не помню, мне было лет шесть, когда он решил с мамой развестись, после чего отбыл в неизвестном направлении. А мы остались.

Надо ли говорить: то, что мы остались в квартире на улице Фадеева, было решением бабушки?

Всю жизнь мама называла её по имени и отчеству, слегка побаивалась, но, кажется, любила. И кажется, не без взаимности. Я же сходила замуж на пару лет, вернулась домой и продолжала жить и работать как раньше. Ах, да, забыла сказать: я преподаю сольфеджио в музыкальной школе. Обычной, районной.

Ну вот, а теперь бабушка умерла, и нужно как-то устраивать нашу жизнь... по-другому. Без неё. Вот, например, сходить к нотариусу.

Мама давно мне что-то говорила, но я не слушала, задумавшись. Наконец она привлекла моё внимание, хлопнув ладонью по столу. Я очнулась и подняла глаза:

– Прости, не расслышала, что ты говорила?

– Господи, а как ты будешь жить, когда я помру? – мама возвела глаза к небу; ну, то есть, к потолку. – Спрашивала я, спрашивала! Ты завтра работаешь?

– Нет, я же в отпуске до двадцать пятого августа.

– Тогда завтра с утра и пойдём. Александра Михайловна накануне... знаешь, словно чувствовала! Она мне дала коор-

динаты нотариуса, к которому обращалась.

– Хорошо, пойдём с утра, – покладисто согласилась я. – Прости, я иду спать, устала. Да и ты отправляйся, посуду завтра помоем.

– Вот ещё глупости! – мама энергично встала. – Александра Михайловна этого бы не одобрила. Да и что там работы-то, в посудомойку загрузить! Иди ложись, тебе тоже досталось.

Ну, досталось, не буду спорить: на меня свалились бабушкины бывшие коллеги, а это не фунт изюму. Коллег этих осталось не так уж много, но их средний возраст далеко переваливает за сто пятьдесят.

Шучу.

Бабушка была самой старшей, но остальные тоже уже сильно немолоды, забывчивы и обидчивы. Всех нужно было утешить, поговорить, выслушать и не учесть, у кого какие пищевые фобии. Досталось, да...

Я долго ещё лежала в кровати, смотрела, как проползает по потолку свет фар от машин, проезжающих по нашей тихой когда-то улице Фадеева, прислушивалась к неумолчному шуму Садового кольца где-то там, вдалеке... И сама не заметила, как уснула.

В нотариальной конторе я доселе не бывала. Просто незачем было – не имелось у нас никаких родственников, от которых можно было бы получить наследство, а других причин

для пользования этими услугами я и не знала.

– И что? – спросила я у мамы. – Мы просто вот так пойдём в первую попавшую нотариальную контору и спросим, нет ли завещания?

Мама усмехнулась не без яда.

– Ну что ты! Александра Михайловна всё расписала в подробностях. Вот, смотри...

На листке бумаги чётким бабушкиным почерком были указаны имя нотариуса, адрес и телефон конторы, часы работы и перечень документов, которые нужно иметь при себе. Ещё была приписка: позвонить и записаться на определённое время, и прийти за пятнадцать минут.

– Ладно, это всё прекрасно. А само завещание где?

– Там, – мама кивнула куда-то в сторону окна. – Вот у этой самой Любови Николаевны Фукиной. Мне в руки Александра Михайловна документ не отдала, сказала, что я его потеряю.

Я не стала это комментировать: рассеянность мамина и в самом деле по десятибалльной шкале тянула на одиннадцать...

Нотариальная контора, указанная бабушкой, была совсем недалеко от нашего дома, буквально на соседней улице. Первое, что бросилось мне в глаза – длинный и какой-то извилистый коридор, неожиданно забитый людьми. На немолодую даму, сидящую за стойкой с табличкой «дежурный администратор», наседали со всех сторон с вопросами, документа-

ми, справками, копированием и заверением. Дама умело отбивалась. Я посадила маму на освободившийся стул, глубоко вдохнула и растолкала толпу.

– Нам назначено на двенадцать тридцать, – сказала я администратору. – Завещание.

– Да, вас ждут в пятом кабинете, – кивнула она. – Проходите.

И мы прошли.

Ничего неожиданного в завещании не было: квартира завещана мне, с обязательством заботиться о маме. Счёт в банке – нам обеим, в равных долях. Правда, на счету было слишком много денег, и это уже показалось мне странным. Конечно, бабушка всю жизнь работала, и работала с утра до ночи, но всё же цифра была... внезапной, да.

А ещё к завещанию прилагался адресованный лично мне конверт.

– Александра Михайловна особо оговорила, чтобы вы прочли это письмо вечером и в одиночестве, – поджав губы, сообщила нотариус; мне показалось, что поджатые губы и общее неодобрение всего вокруг в принципе прописались на её лице навеки.

– Хорошо, – кивнула я. – Так и сделаю.

– Вы, конечно, знаете, что вступить в права наследования вы сможете только через полгода? Это время отводится на то, чтобы проверить, нет ли других наследников, в завеща-

нии не упомянутых, но имеющих право на долю в имуществе. Однако Александрой Михайловной было оговорено в особом распоряжении, что часть денег со счёта должна быть выделена вам на этот период для использования. Это понятно?

– Вполне, – я поднялась. – Мы, конечно, кое-что зарабатываем, но деньги нам пригодятся. Когда мы можем получить справку для банка?

Видно было, что маме страшно любопытно, что же в письме, но она молчала до возвращения домой.

– Ну? – спросила она, едва за нами захлопнулась дверь.

– Сказано же – вечером, – покачала я головой. – Ты же знаешь, бабушка ничего не делала просто так, у неё для этого было слишком мало воображения.

Вздыхнув, мама привычно согласилась, и мы занялись домашними делами: после поминок надо было убрать посуду, пропылесосить и сделать прочие неинтересные, но необходимые вещи.

Прочитав бабушкино письмо, я взяла назад свои слова о том, что у неё не было воображения: судя по написанному, его было слишком много!

«Таточка, есть две вещи, которые я не желаю доверять чужому человеку, поэтому в завещании не указываю. Первое: в офисе Сбербанка у метро на моё имя имеется ячейка; ты

там указана совладельцем, так что можешь пойти и получить всё, что в этой ячейке лежит. Второе: не знаю, помнишь ли ты, что мой отец – а твой прадедушка, Михаил Иванович, – жил и умер в городе Бежицы Тверской области. К сожалению, я не была на его могиле уже больше двадцати лет. Это плохо, но... были обстоятельства. Так вот, я прошу тебя поехать в Бежицы, разыскать на городском кладбище могилу моего отца, привести её в порядок и заказать поминальную службу. К сожалению, наш дом был снесён после его смерти, так что тебе придётся найти, где остановиться. Все документы, касающиеся жизни и смерти отца, в письменном столе, нижний ящик. Я знаю, что пять лет назад была жива моя троюродная племянница, твоя совсем уж дальняя родственница. Если она по-прежнему жива – а почему бы нет, Розалия меня почти на тридцать лет моложе! – она поможет тебе сориентироваться. Розалия Львовна Науменко, улица Кашинская, дом тридцать два. Будь счастлива, Таточка, пожалуйста!»

Да уж, Александра Михайловна, озадачить вы умеете...

Что самое странное, мне и в голову не пришло, что бабушкину просьбу можно не выполнять! Тяжело вздохнув, я посмотрела на календарь: через неделю мой отпуск заканчивается, двадцать пятого у нас педсовет, раздадут какие-нибудь свеженькие программы... Конечно, в сольфеджио мало что меняется, но ведь методисты из минобразования непременно придумают что-нибудь новенькое! А там и начало за-

нятий не за горами.

Получается, что ехать надо практически немедленно.

А как добираются до этого самого города? И я полезла с вопросом в интернет.

Минут через двадцать ко мне в комнату заглянула мама и удивлённо подняла брови:

– Таточка, я таких слов от тебя не слышала с твоей юности!

– Извини, мам, не удержалась. Просто проблема неожиданно оказалась сложнее, чем я думала.

– Какая проблема?

Вместо ответа я протянула ей бабушкино письмо.

– И что ты собираешься делать? – почему-то она совершенно не удивилась прочитанному.

– Поеду в этот самый городок, осмотрюсь. Надеюсь, в администрации кладбища есть схема захоронений. Не уверена я, что мне хочется обращаться к этой неведомой дальней родственнице...

– Возможно, ты и не права, – мама покачала головой. – У нас с тобой ведь практически никого нет.

– Почему это? У тебя есть я, у меня есть ты. Мне хватает! И почему-то же бабушка тоже с ней не общалась, с этой Розалией Львовной? Ладно, это неважно, пока что нужно до Бежиц добраться. Грустно то, что от Твери придётся ехать автобусом, сто двадцать километров. Два часа.

– Разве там нет вокзала?

– Есть. Но поезда в Бежицы идут из Питера. А из Твери – нет.

– Ну поедешь автобусом, тоже мне проблема!

– Ненавижу автобусы... – пробормотала я, сдаваясь.

Автостанция в городе Бежицы находилась на главной площади: слева парк и обнесённый забором храм, прямо – монумент воинам и старые торговые ряды. Деревянные двухэтажные дома, редкие прохожие, ещё более редкие машины. Тихий маленький городок. Я вытянула из кармана телефон и полезла смотреть, где же находится единственный отель города. Оказалось – совсем рядом, в одном квартале. Свежеотремонтированный особняк, безликий номер с большой кроватью, душевая кабина... Всё как надо.

Портье, усталая блондинка с отросшими тёмными корнями волос, моему вопросу не удивилась; впрочем, кажется, её вообще уже ничто удивить не могло.

– Кладбище? Не очень далеко, минут десять идти. У нас всё недалеко, – она усмехнулась. – Выйдете из отеля, поверните направо и до упора, там снова направо и уже собор разглядите. Обедать здесь будете?

Я посмотрела на часы: половина второго.

– Не знаю пока. Может, где-то в городе поем.

– В городе? – усмешка словно прилипла к губам женщины. – Ну-ну...

Ох, эти московские представления о жизни...

Администрация кладбища? Серьёзно? На мой вопрос женщина, продающая в соборе свечи и иконки, только головой покачала:

– Нет здесь никого, даже сторожа. Вот, из монастырей приходят, кое-что делают. Но все могилы не обиходишь, кладбище у нас большое, с тысячу семьсот семидесятого года здесь хоронят.

– А как же узнать?..

– Попробуйте в городской администрации... – на лице женщины было написано искреннее сомнение. – Только вряд ли сейчас там кто-то станет этим заниматься. День города в эти выходные, всем не до того, готовятся.

– Попробую, спасибо. А может, у этих самых монахов спросить, которые приходят за могилами ухаживать?

Она улыбнулась, хотя до этого выглядела сурово.

– В мужской монастырь вас, пожалуй, не пустят, да он и не в городе, в десяти километрах. А в хозяйство матушки Евпраксии попробуйте заглянуть. Это тут рядом, в двух кварталах. Впрочем, у нас всё рядом!

В монастыре было тихо, вдоль дорожек цвели розы, и видела я всё это сквозь резную деревянную решётку ворот. Впустить на территорию меня отказались категорически: мол, без распоряжения матушки Евпраксии монахини со мной говорить не станут, а матушка уехала, и вернётся

только к субботе, ко дню города.

Есть хотелось до чёртиков, но я задавила чувство голода и пошла к зданию городской администрации. Монахиня, дежурившая у ворот, объяснила мне дорогу, благожелательно добавив:

– Вы быстро добежите, тут недалеко! У нас город маленький, всё рядом.

«Рядом всё, рядом всё, мы идём по Бежицам, – бормотала я про себя в ритме Киплингковского стихотворения. – Если услышу эту присказку ещё раз, я завою!». Выть не пришлось: на дверях городской администрации висела солидная табличка с часами работы, и получалось, что я опоздала, причём надолго. Сегодняшний приём закончился, а завтра он и вовсе не был в планах. По средам посетителей здесь не ждали.

Ладно.

Меня заело. Неужели я потратила два дня и некоторое количество денег на дорогу, чтобы не выяснить ничего вообще? В резерве оставалась неведомая родственница, Розалия Львовна, уж у неё-то не должно быть никаких поводов, чтобы со мной не встретиться!

Надо ли говорить, что дверь дома номер тридцать два по улице Кашинской была закрыта?

Старушка, собиравшая смородину в соседнем саду, посмотрела, как я стучу в эту облупившуюся дверь, когда-то

выкрашенную голубой краской, подошла к заборчику между двумя участками и сказала:

– Девушка, вы зря стучитесь! Розалии нету, она так рано не приходит.

– Откуда?

– Так с работы же! Из школы! Ой, вы ведь не местная? В музыкальной школе она работает, имени Андреева, русских народных инструментов. Вы знали, что сам Андреев у нас в городе родился? – в голосе прозвучала гордость. – Ну вот, Роза там преподаёт вокал. Моя внучка у неё училась, а теперь в консерваторию поступила!

– Молодец ваша внучка! – искренне похвалила я. – Так что, если я пойду в школу, Розалию Львовну там застану?

– Конечно, – уверенно кивнула соседка. – Да тут рядом совсем! В городском парке храм видели, реставрируют его? Вот в той же ограде и школа.

Действительно оказалось рядом, я даже разогнаться не успела – быстрым шагом прошла Советскую площадь, обогнула в городском саду неторопливо строящуюся сцену для концерта и с разбегу влетела в слегка приоткрытые ворота.

В холле музыкальной школы – просторном, с высоким потолком и «шахматным» полом, может быть, даже и мраморным, я притормозила возле доски объявлений. Прочла крупные буквы «Срочно требуется преподаватель сольфеджио!» и усмехнулась.

Розалия Львовна оказалась очень немолодой дамой, крохотной, как мышка, с белоснежными волосами, сколотыми в пучок причудливой заколкой из черепахового панциря, с розовыми щёчками и блестящими голубыми глазами. И в золотом пенсне, ей-богу! Если бы я умела рисовать, сделала бы с неё открытки «Любимая бабушка».

С моей бабушкой, Александрой Михайловной, у неё не было ничего общего.

Дверь кабинета номер двадцать пять была по случаю жаркой погоды распахнута настежь. Пожилая леди сидела за столом и что-то исправляла в больших листах. Она повернулась ко мне с приветливой улыбкой:

– Вы ко мне?

– Вы Розалия Львовна Науменко?

– Да, чем могу помочь?

– Меня зовут Тата... – я запнулась. – Моя бабушка, Александра Михайловна Голубева...

– Боже мой, Таточка! – Розалия Львовна всплеснула руками. – Ну конечно же! Шурочка мне говорила, что вы, возможно, приедете, совсем недавно, полгода назад, кажется...

Шурочка? Серьёзно? Право же, бабушка была похожа на «Шурочку», как авианосец на собачью будку. Пожилая дама продолжала:

– Присаживайтесь, милая. Не предлагаю чаю, сейчас я соберу свои вещи, запру кабинет и пойдём ко мне. У меня есть чудные пирожки, соседка пекла. С черникой, представляете?

Говоря всё это, она быстро и аккуратно сложила листы, убрала их в папку, отнесла в шкаф и заперла его. Мне, признаться, стало немного стыдно, что я ничего не привезла из Москвы. Хотя бы шоколадку! Вот балда...

– Ну, вот и всё, – Розалия Львовна улыбнулась. – Пойдёмте, сядем у меня в саду под яблоней, и вы мне расскажете, как вы все живёте – Шурочка, Леночка, вы...

– Бабушка умерла, – ляпнула я.

Руки, выравнивавшие стопку чистых тетрадей, остановились на мгновение и дрогнули.

– Вот как... Давно?

– Неделю назад.

– Вот как, – повторила Розалия Львовна. – Ну что же, *requiescat in pace*¹...

Я молчала. В моей голове плохо совмещались придуманный мною образ провинциальной родственницы и эта достойная пожилая леди, знающая латынь, беседовавшая с бабушкой полгода назад и называвшая её Шурочкой.

– Пойдёмте, Таточка, – моего плеча ласково коснулась сухая ладонь. – Пока дойдём, пока поговорим, время и пройдёт, а ко мне в семь часов ученик придёт. Ваня Петраченко, очень хороший мальчик.

– Ученик? – выцепила я знакомое, понятное слово.

– Да.

– А что вы преподаёте?

¹ *Requiescat in pace* = R.I.P. – покойся с миром (*лат.*).

– В первую очередь – вокал. Последние полгода, правда, пришлось взять ещё и сольфеджио, наша Наталия Степановна после инфаркта работать не смогла. Только дома меня консультирует, и то, через два раза на третий. Но с Ванечкой я занимаюсь фортепиано, он даже сейчас, во время каникул приходит. А что делать, педагогов решительно не хватает!

Она заперла дверь кабинета, мы спустились по лестнице и вышли в парк.

Идти по городу с Розалией Львовной оказалось сущим мучением: почти на каждом шагу с ней здоровались, она останавливалась и расспрашивала встречных о делах, давала советы, обещала какую-то помощь. Наконец, я не выдержала:

– Вы всех в городе знаете?

– Не всех, но больше половины жителей точно! – рассмеялась та. – Нас немного, и в основном все местные; чужие редко здесь остаются надолго. Ну, а с местными я знакома, можно сказать, с их младенчества.

Мы уже свернули на Кашинскую, когда встретились с женщиной в монашеской рясе, молодой и довольно красивой. Мне показалось, что монахиня не хотела здороваться с Розалией Львовной – или не желала, чтобы её заметили и узнали. Но как-то затруднительно не увидеть человека, когда сталкиваешься с ним нос к носу.

– Добрый день, сестра Агафья, – поздоровалась Розалия.

– Здравствуйте, – монахиня сухо кивнула и прошествовала мимо, вздымая тучи пыли подолом своего чёрного одея-

ния.

– Мне показалось, или с этой жительницей города вы не дружите? – спросила я, когда мы отошли подальше.

– А сестра Агафья как раз не местная. Её прислали в здешний монастырь недели две назад, не знаю уж, зачем. Это их дела.

– Я пыталась сегодня встретиться с матушкой Евпраксией, но безуспешно. Сказали, что её нет в городе. В этот монастырь и прислали Агафью?

– Да, он у нас один. А зачем тебе понадобилась Евпраксия? Она женщина хорошая, но несколько... упёртая, я бы сказала. Всё может делаться или по её правилам, или никак. Впрочем, монастырю это идёт на пользу...

За разговором мы подошли к дому Розалии Львовны. Она остановилась, копаясь в сумке, потом махнула рукой, наклонилась и достала ключи из-под цветочного горшка справа от двери. Бабка, прежде собиравшая смородину, теперь сидела у своей двери на лавочке и перебирала в огромном тазу крыжовник. Таз был оранжевый с белым, крыжовник – зелёный и фиолетовый, лавочка – голубая...

– Вера Павловна, добрый вечер! – громко поздоровалась Розалия. – Чай пить приходите через полчаса!

– Приду! – охотно отозвалась та.

В прихожей было прохладно, темно, пахло яблоками и почему-то растительным маслом. Розалия фыркнула:

– Не удивляйся, это я в обед прибежала и коту дворовому

лекарство давала, а оно в масле разводится.

– Судя по запаху, вы котика в нём купали!

– Да нет, просто этот дурачок боднул мою руку, а в руке как раз бутылка с маслом и была. Ну да это неважно, выветрится! Пойдём-ка в комнату, нечего тут в темноте...

За высокой дверью, выкрашенной неожиданно ярко-жёлтой масляной краской, была просторная гостиная в старом усадебном стиле: светлая, в три окна, с креслами и диваном, с круглым столиком на резной ноге и выложенной кафелем печкой в углу.

Розалия Львовна уселась в кресло, похлопала по соседнему:

– Чего стоишь? Садись! Ну, так зачем тебе понадобилась Евпраксия?

– Я пыталась найти могилу прадеда, Михаила Ивановича.

– Ах вот как... Шурочка, значит, указаний не оставила?

Бабушкино письмо переключало из моей сумки в руки Розалии Львовны. Та прочла его внимательно, потом вернулась к началу и перечитала ещё раз. Опустила и поглядела на меня без улыбки.

– Выходит, Александра решила свои долги на тебя взвалить? Мило, ничего не скажешь.

Я пожала плечами:

– Знаете, я приехала, чтобы попробовать. Если никто не знает, где прадед похоронен, я не стану обыскивать всё кладбище. Оставлю денег на поминовение и вернусь в Москву,

мне на работу выходить с двадцать пятого числа.

– Понимаю. Кстати, ты не сказала, где ты работаешь?

Услышав, что тружусь я в музыкальной школе и преподаю сольфеджио, родственница вытаращила глаза и захохотала так, что я испугалась, как бы ей не стало плохо. Отсмеявшись и утерев слёзы, Розалия сказала:

– Да-а... Ты видела объявление у нас внизу? Это я в очередной раз заявила директору, что, если он не сделает по-моему, я уйду на пенсию. А другого педагога по сольфеджио у него и нету!... Ой, не могу!

И она снова засмеялась.

Тут в дверь постучала соседка Вера Павловна, внесла в гостиную тарелку, накрытую белоснежной льняной салфеткой с вышивкой по углам, и лукаво посмотрела на хозяйку.

– Ты, Роза, как хочешь, а я пирог принесла. Что это за дела, яблочный Спас прошёл, а мы пироги не пекли?

– С белым наливом? – спросила Розалия, проворно накрывая к чаю на круглом столике.

– Что ты такое говоришь, – с лёгкой досадой ответила Вера Павловна. – Кто ж с белым наливом печёт, его только так погрызть хорошо... если есть чем, – и она засмеялась, показав чуть желтоватые ровные зубы. – Штрейфлинг в пирог пошёл. Падалицу подобрала, спелую-преспелую, аж на просвет косточки видны.

Господи, как же хорошо! Сидеть в этой комнате, смотреть на гаснущий за окном день, жевать яблочный пирог и слу-

шать дружескую перепалку этих немолодых тёток...

В половине девятого я с трудом выковыряла себя из кресла и встала.

– Пойду я, Розалия Львовна. Завтра попробую ещё в монастырь зайти и в городскую администрацию, а потом домой поеду.

– Пойдём, провожу, – она встала легко, будто была моей ровесницей, и пошла за мной следом в прихожую. – Ты извини, переночевать не приглашаю. У меня, кроме гостиной, только спальня и кухня, – и, видя недоумение на моём лице, пояснила. – Дом этот школе нашей принадлежит. Так-то он большой, но мне полагается только половина. Вторая пока пустует. Вот что, ты с утра иди в администрацию – это без толку, но сходить надо. А потом ко мне в школу зайди, я с тобой до монастыря прогуляюсь. Ну всё, иди!

И она легонько подтолкнула меня в спину.

В своём номере я приняла душ, умылась и забралась под прохладную, кажется, даже крахмальную простыню. И уже засыпая, подумала: а ведь похоже, тётушка не знает, где похоронен прадед. Вот почему, интересно, она же родственница?

Розалия Львовна оказалась права: в здании городской администрации кипела жизнь, все занимались предстоящим праздником, и до моих вопросов дела не было никому. Я за-

глянула в пару кабинетов, где не было никого, в зал для совещаний, где толпа народу что-то лихорадочно обсуждала, в приёмную главы города, опять же пустую... В конце концов мне надоело без толку ходить по зданию, я поймала за рукав какую-то дамочку, примерно моих лет, и спросила угрожающе:

– Тут есть вообще кто-нибудь, кто занимается кладбищем?

Дамочка вытаращила на меня глаза и помотала головой.

– А какой у вас вопрос?

– Мне нужна его схема. Кладбища.

– А-а... Знаете... – она нервно оглянулась на вторую точно такую же особу, которая махала ей руками из конца коридора. – Знаете, вам надо обратиться к Ирине Ивановне Лотошиной. Только её нет сейчас, она в парке, сценой занимается. Вы сколько ещё в городе пробудете?

– Нисколько, – сумрачно ответила я. – Сегодня уеду.

– А вы напишите запрос! На нашем сайте, я вам сейчас и адрес дам!

Она нацарапала в моём блокноте сайт администрации и упорхнула, освобождённая.

Музыкальная школа находилась на территории того самого парка, так что по дороге я подошла к сцене и попыталась высмотреть эту самую Ирину Ивановну, как её, Лотошину. Но не преуспела: на помосте и вокруг него мельтешили му-

жики самого работяжного вида, в комбинезонах и тяжёлых ботинках. То ли женщины там не было (ну мало ли, перекутить отошла или попросту смылась по личным делам), то ли она успешно маскировалась. Ну и ладно, всяко сейчас с ней говорить было бы бессмысленно, даже если пресловутая схема у неё и есть. Во что я постепенно верить переставала...

При моём появлении Розалия Львовна взглянула на часы и спросила:

– Ну что, в администрации ничего нет?

– Может, что-то и есть, но нету никого, кто бы знал, что и где искать, – отрапортовала я.

– Ладно, пойдём, прогуляемся до монастыря. Я вроде на сегодня здесь всё сделала, что собиралась, теперь займусь своими церковными обязанностями.

Тут я вытаращила глаза.

Церковные обязанности? Да ладно!

Заметив моё изумление, тётушка грустно усмехнулась:

– Да-да, я вполне православная. Имя и отчество мне достались от отца, а вера – от мамы. А ты думала, почему твоя бабушка обо мне вспомнила только на смертном одре?

– Не знаю. То есть, я об этом пока не думала!

– Потому что, когда моя мама вышла замуж за Льва Михайловича Науменко, семья её не одобрила. Моя мама была двоюродной сестрой твоей бабушки, – пояснила Розалия Львовна. – Потом как-нибудь поговорим об этом.

«Потом как-нибудь чаще всего означает никогда, – подумала я. – Выходит, и родственница она не такая уж дальняя, и скелетов в наших шкафах куда больше, чем я могла заподозрить. Впрочем, ещё месяц назад я и одного-то предположить не могла!»

Тем временем тётушка убрала в верхний ящик стола стопку расчерченных листков, достала из сумочки зеркальце, поправила помаду, защёлкнула сумочку и встала.

– Ну что, идём?

И опять по дороге её останавливали, задавали вопросы, о чём-то рассказывали. Это было уже привычно, и, наверное, как-то соотносилась с теми самыми «церковными обязанностями», о которых Розалия Львовна упомянула раньше.

Ладно, меня это не касается, в конце-то концов... В четыре часа идёт автобус от здешней автостанции в Тверь, значит, уж к последней-то «Ласточке» на Москву я точно успею. И всё, баста, хватит с меня этих мелких провинциальных секретиков!

Занятая своими мыслями, я даже не поняла, что Розалия Львовна о чём-то меня спрашивает.

– Простите, прослушала.

– Ты не сказала вчера, что было в банковской ячейке, – повторила она. – То есть, не говори, если не хочешь...

– А! Представьте себе, я не знаю. Решила сперва поехать сюда, вот завтра пойду в банк. Ну, вряд ли там какие-нибудь

невероятные ценности...

– Твоя бабушка была женщиной... неожиданной, – усмехнулась Розалия. – Так что я бы ничему не удивилась. Ну вот, мы пришли.

Знакомую уже мне калитку для нас открыли. Не то чтобы настежь или очень приветливо, но на территорию монастыря впустили и поздоровались.

– Значит так, пойдём сперва в храм, а потом я загляну к матушке Евпраксии и попробую тебя с ней познакомить, – сказала тётушка деловым тоном. – Или, если хочешь, посиди вот тут на скамеечке, полюбуйся на розы.

– Я уж лучше с вами, а то выставят за ворота, я и мяукнуть не успею.

Комментировать это Розалия не стала, но некоторое неодобрение на её лице прочиталось легко.

В храме я сразу прилипла к иконостасу, украшенному удивительно красивой резьбой по тёмному дереву. По счастью, её не вызолотили, это бы убило всю тонкость работы. Стояла, рассматривала все эти виноградные лозы и загадочных зверей, когда позади раздался негромкий голос.

– Это вы хотели повидать матушку Евпраксию?

Повернувшись, я увидела знакомую женщину в монашеской одежде. Ну да, сестра Агафья, вчера мы с Розалией её видели на улице.

– Да, я.

– Пойдёмте, матушка вас примет.

– Подождите, мне надо предупредить Розалию Львовну...

– Не беспокойтесь, ей скажут.

Уверенной походкой женщина повела меня по боковой дорожке, среди пышно цветущих чайных роз, кустов алых и рыжих георгинов, высоких стеблей дельфиниума, и вывела к небольшому одноэтажному домику, выкрашенному белой краской. Окна домика украшали сказочной красоты наличники, и я мысленно дала себе пинка: не забыть сфотографировать, когда буду уходить. Если получится, конечно.

Забегая вперёд, скажу: не получилось. Монахиня дожидалась меня у дверей, а фотографировать при ней было отчего-то неловко.

Визит к настоятельнице оказался напрасным: да, сёстры ухаживали за могилами вокруг кафедрального собора, но вглубь территории никогда не забирались.

– Им работы и так хватает, – сказала мне высокая худая старуха, одетая во всё белое; плат подчёркивал тёмную кожу лица, будто навсегда сожжённого солнцем. – Если хотите заказать поминовение, обратитесь в соборе к отцу Василию, а более ничем помочь не могу.

Она чуть склонила голову, и я сама не заметила, как меня вынесло из строгого, даже аскетичного кабинета.

Дорога домой была долгой, и у меня оказалось достаточно времени, чтобы подумать о прошедших двух днях. И совсем не все мои мысли были радужными и приятными.

Для начала – почему я сразу, едва прочитав бабушкино письмо, не задумалась над её ценными указаниями? Ну, в самом деле: прадед умер чуть ли не сорок лет назад. Что, нельзя было выбрать время, съездить в Бежицы и сходить на могилу? Ладно, в последние годы бабушка, конечно, уже не так была активна, но раньше-то? До моего рождения, например? Ну, а уж если не съездила сама, а отправила меня, что, не могла написать хоть примерно, где это захоронение искать?

Хорошо, оставим этот вопрос, зададимся другим.

Почему я так безропотно потратила кусок своего отпуска, ни звуком не возразила, а села в поезд и отправилась в Бежицы? Конечно, мне было любопытно посмотреть этот городок, вроде бы в детстве я даже слышала о нём, но... Честно говоря, не *настолько* любопытно!

Приходится сделать вывод: привычка всегда слушаться бабушку отлично укоренилась; цветы бы на балконе у меня так укоренялись...

Поехали дальше: почему она так пренебрежительно написала о Розалии Львовне? Отличная тётка, умная, обаятельная, образованная. И специальность у нас почти одна и та же... Чем не нравилась бабушке та ветвь семьи? Я ведь даже не знала, что у меня есть родственники в Бежицах.

Поправка: я считала, что у нас с мамой вообще нет никаких родственников. Вот была бабушка, она умерла. Вот был когда-то мой отец, он нас бросил и исчез. Всё, finita, поезд

дальше не идёт. А оказывается, есть Розалия, были её родители... Может, и ещё кто-то есть?

Что же, можно подвести промежуточный итог. Бабушкино поручение я не выполнила, так сказать, по техническим причинам. Будет случай – съезжу ещё раз, не будет – ну, извините. Молебен я заказала, денег на ещё несколько служб оставила, отец Василий сказал, что этого довольно.

Зато у меня теперь есть тётушка, и это очень радует.

Мы с Розалией Львовной распрощались самым милым образом, обменялись электронными адресами и договорились созваниваться и списываться.

Следующий вопрос: что рассказывать маме? Она – существо нежное, бабушка её оберегала от всех дуновений, так что мама моя не в курсе, как платить за квартиру, записываться к врачу, включать стиральную машину или нанимать домработницу, если имеющаяся решит уволиться. С другой стороны, никаких ужасов со мной не происходило, а маме пора вылезать из уютной раковины и посмотреть на окружающий мир. Так что – принято, расскажу всё и в подробностях!

Приняв это судьбоносное решение, я уселась поудобнее на жёсткую лавку поезда и включила электронную книгу. За время дороги от Твери до Москвы как раз дочитаю детектив!

Домой я ввалилась уже в начале десятого вечера, изрядно уставшая и проголодавшаяся. Было темно и тихо, на что я не

сразу обратила внимание.

– Мам! Ма-ам! Я приехала!

Тишина.

– Мам, ты спишь, что ли?

Тишина.

Заинтересовавшись, я скинула кроссовки, вошла в тапочки и пошла проверять: спит? сидит в наушниках и смотрит кино? Болтает по телефону? Все варианты было не слишком реальными, но мало ли... Пробежав по квартире, я вернулась к входной двери озадаченная: дома никого не было.

Сейчас – я глянула на часы – без двадцати десять.

Мама никогда на моей памяти не бывала вне дома в такое время одна, без меня или бабушки. И что, скажите, произошло за два дня, пока меня не было? Пора волноваться?

Развить эту идею мне не пришлось: в замке повернулся ключ, и моя дорогая пропажа вприпрыжку в квартиру, весёлая, разбурляющаяся, пахнущая духами. С букетом в руках!

Увидев меня, мама вздрогнула, вся словно сжалась, и с лица её пропала живость, будто и не было.

– Добрый вечер, дорогая, – сказала она, растянув губы в улыбке. – А я думала. Ты ещё на пару дней останешься... там.

У-у-у, кажется, в наследство от бабушки нам остались не только загадочные распоряжения, но ещё и куча комплексов. Как же это я раньше не замечала, насколько мама задавлена этой властью, жёстким распорядком, правилами, от ко-

торых нельзя отступить ни на шаг?

Или не хотела замечать? Мне-то эти правила жить не особо мешали...

– Привет, ма! Какая у тебя красота! – я наклонилась, чтобы понюхать цветы, и с сожалением выпрямилась. – Нет, не пахнут... Но всё равно очень красивые.

Букет и в самом деле был подобран с большим вкусом и весь словно светился осенним солнцем: мелкие оранжевые розы, жёлтые герберы, рудбекии...

Положив букет на столик, мама медленно вошла в гостиную и села в кресло. Как была – в уличных туфлях, с сумочкой, которую она сжимала в руках, словно заслоняясь ею... от меня? Я продолжила болтать, словно ничего не замечала.

– Надо вазу пошире подобрать, чтобы им было удобно стоять. Хотя ладно, потом. Есть хочу до ужаса! Ты ужинать будешь?

Не дожидаясь ответа, я прошла на кухню, раскрыла холодильник и замерла, уставившись на полки.

– Цветная капуста... не то. Котлеты... тоже не то. Бутерброды... да ну их. О! Пельмени! Мам, ты будешь пельмени?

В гостиной продолжали выразительно молчать. Я поставила кастрюлю с водой – есть и правда хотелось! – и отправилась сражаться с драконом.

– Не поняла, ты пельмени будешь есть?

– Нет, спасибо, – еле слышно ответила мама.

– Точно?

– Спасибо, не хочется. Я устала, пойду спать. Спокойной ночи.

Она и в самом деле поднялась и с размеренностью автомата переобулась, аккуратно повесила сумочку на предназначенный для этого крючок и вошла в ванную.

Дракон от боя отказался, даже из пещеры не вылез.

Ладно, завтра тоже будет день. Кстати, что там у нас? Ах, пятница? Отлично! Начну с банковской ячейки, а дальше посмотрим.

Предъявив паспорт, я следом за девушкой в форменном пиджаке прошла по коридорчику вглубь помещения банка. Мы миновали дверь без опознавательных знаков и вошли в комнату, три стены которой были от пола до потолка закрыты шкафами с рядами номеров на многочисленных дверцах; посередине стоял большой канцелярский стол без тумбочек и прочих излишеств. Дополняли аскетическую обстановку два стула. Девушка мило улыбнулась и вышла, закрыв за собой дверь. Я нашла ячейку с номером сорок два и воткнула в скважину ключ, который лежал в конверте вместе с запиской. Металлическая дверца раскрылась; внутри была довольно большая деревянная коробка, коричневый конверт формата А4 и в глубине – три толстых и очень потрёпанных тетради. Вынув коробку, я поставила её на стол и выдвинула крышку.

– Яйцо в утке, утка в зайце... – пробормотала, глядя

на нечто, завёрнутое в пожелтевшую от времени мягкую ткань. – А если тебя развернуть, там будет ещё одна коробочка?

Не стану врать: на миг промелькнула дурацкая мысль, что в этом ящичке бабушка прятала какие-нибудь обалденные ценности; вот я приподниму уголок ткани, а там... Отогнав эту мысль, глубоко вздохнула и решительно раскрыла свёрток.

– ...! – я шлёпнулась на стул и потрясла головой, надеясь поставить на место мозги. – Это точно моя ячейка?

Да, номер сорок два... Ну, бабуля, от тебя я такого не ожидала!

Да уж, предполагать можно было что угодно, но действительность, как водится, ожидания перешагнула с лёгкостью, даже и не заметив. На белом когда-то бархате лежала маленькая балалайка. Совсем маленькая, пикколо – сантиметров сорок длиной².

Внутри крафт-конверта оказалась тоненькая книжечка в мягкой обложке, формата А4, с надписью на обложке: «Школа для балалайки. Составил П.К. Селиверстов при участии Мастера игры на балалайке В.В.Андреева». И дата издания – 1887 год...

Осторожно я раскрыла книжечку: на форзаце была размашистая надпись когда-то, наверное, синими, а теперь корич-

² Размер балалайки-пикколо работы мастера С.И.Налимова – 44,3×27, 5×6,8 см.

невыми чернилами. Дар кому-то от кого-то, вчитываться в витиеватый старинный почерк я не стала.

Вот так, Тата. Твоё наследство, бери и владей.

Может, я бы и позволила себе попереживать подольше, но в дверь постучали, и женский голос поинтересовался, скоро ли я закончу занимать хранилище. Ладно, раз так, надо торопиться. Я сфотографировала оба предмета со всех сторон, отдельно засняла надпись на форзаце и рисунок на деке. Приоткрыла верхнюю тетрадь: бабушкин почерк, дата чуть ли не сорок лет назад... Дневники? Ладно, это потом. Сложила тетради обратно в ячейку, вернула книжечку в крафтовый конверт, осторожно завернула балалайку в бархатное полотнище и убрала в коробку. Заперла ячейку и вышла, надев на лицо выражение абсолютного равнодушия.

Выйдя из банка, я свернула в ближайший двор, плюхнулась на лавочку и задумалась. В принципе, надо сказать большое спасибо, что частью наследства оказалось нечто, связанное с музыкой. Если бы в ячейке хранились какие-нибудь чертежи или расчёты, мне бы пришлось куда сложнее!

Надо распечатать фотографии и показать кому-нибудь, кто в этом разбирается...

Кому?

В нашей детской музыкальной школе в отделе народных инструментов балалаечников нет, только баян, аккордеон и гитара. Но можно попробовать подойти к заведующей, На-

талье Васильевне, и поспрашивать.

Дальше, почти напротив моего дома – музей Глинки. То есть, он теперь не имени Глинки, а национальный музей музыки, но это неважно, проконсультироваться можно и нужно и у них. Ну и, наконец, стоит зайти к моей учительнице, Ольге Валентиновне. Ей, конечно, далеко за восемьдесят, но она в здравом уме и твёрдой памяти, дай бог мне в её возрасте так...

Вот, пожалуй, с неё и начну. Прямо сейчас позвоню и договорюсь, потом схожу распечатать картинки – в цвете и покрупнее! – а там видно будет.

Увы, план мой дал трещину в самом начале: Ольга Валентиновна была на даче, и вернуться планировала после первого сентября. Она, конечно, предложила мне приехать в гости, и я обещала подумать, но, прощаясь, знала: никуда не поеду. Дача эта далеко за границами московской области, а я ленива, да и план по дальним выездам вот только вчера выполнила на год вперёд.

В конце концов, бабушкины сокровища лежали в ячейке десять с лишним лет, полежат и ещё несколько дней.

Почему десять лет? Ну, я же посмотрела, когда был подписан договор аренды... Вот интересно было бы узнать, где это всё находилось до того? Интересно, но... уже не у кого.

На нос мне шлёпнулась первая капля дождя, и я заторопилась домой. Надо встряхнуть маму и выяснить, что с ней

происходит.

Рассказывать маме о банковской ячейке я пока не стала. Вот когда пойму, что же это там такое лежит, тогда и поделюсь, а сейчас вроде бы и нечем.

Пришла я как раз к обеду, так что за столом стала рассказывать о Бежицах: о деревянных домах и резных наличниках, о георгинах в палисаднике, о Розалии Львовне и матушке Евпраксии, о старом кладбище, где нет ни сторожа, ни служителя, ни даже схемы... Мама слушала, кивала, задавала вопросы, но я чувствовала, что думает она о чём-то другом. Спросить? Нет?

Не буду.

Взрослый человек, имеет право на собственные секреты. И так она тридцать лет жила только и исключительно по бабушкиной указке.

И я продолжила трепаться.

Оказалось, что до двадцать пятого, до выхода на работу, осталось совсем мало времени, каких-то четыре дня. Четыре дня! А дел ещё нужно переделать уйму, начиная с посещения химчистки и заканчивая традиционной встречей сокурсников в последнее воскресенье августа. Хороша бы я была, если бы ещё и к Ольге Валентиновне поехала...

В воскресенье на встрече все пили, хохотали, танцевали, пытались рассказывать о своих успехах – и, конечно же, ни-

кто никого не слушал. Расходились уже под утро, и дорогу домой я помню нетвёрдо. Ну, судя по тому, что проснулась я в своей постели, до дому добралась, значит, всё в порядке. Правда, на часах была четыре часа дня. Понедельник, можно сказать, пропал...

Я выползла на кухню.

Мамы не было, на столе лежала таблетка растворимого аспирина и записка, прижатая стаканом с водой: «Буду поздно, не жди, ложись пораньше, тебе завтра на работу».

– Угу, – пробормотала я. – Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю...

Часть 2. Перемены

Педсовет проходил в актовом зале, что было странно.

Нет, правда, странно: обычно собирались в учительской или в малом репетиционном зале, там как раз достаточно места. А актовый... Во-первых, в нём всегда холодно, вне зависимости от погоды на улице и отопительного сезона. Во-вторых, гуляет такое эхо, что пугаются ученики, которые выступают впервые. В-третьих, а зачем? Зал на две с лишним сотни мест, а нас тридцать четыре человека.

Ну да ладно, хозяин – барин. Директриса, Анастасия Леонидовна, нормальная тётка, не вредная. И одно большое достоинство у неё есть: она считает, что музыка детям необходима.

– Что-то Леонидовна опаздывает, – толкнула меня в бок приятельница, Эсфирь, педагог по классу вокала. – Раньше с ней такого не бывало.

– Всё когда-то бывает в первый раз, – ответила я рассеянно, высматривая в полутёмном зале кого-нибудь из народников.

Тут дверь распахнулась, и в зал гуськом вошли несколько человек.

Пятеро.

И знаком мне среди них только один – тип из отдела образования по прозвищу Моль. По-моему, имени его никто и

не помнил, так прилипла кличка.

– Где ж Анастасия-то? – озабоченно прогудел за спиной мужской голос.

Ага, вот где у нас народники! Я повернулась и прошептала:

– Андрей, у меня к тебе вопрос потом будет, после педсовета. Не убегай, ладно?

– Договорились, – кивнул бородатый и дочерна загорелый преподаватель по классу гитары.

Всё так же гуськом пятеро гостей поднялись на сцену. Две женщины и толстый мужчина уселись на расставленные там стулья, а Моль подошёл к микрофону и пощёлкал по нему, отчего по залу прокатилось эхо.

– Господа педагоги, – сказал он с некоторой торжественностью, показавшейся мне неуместной. – Разрешите представить вам нового директора этой школы Ксенофонта Карловича Будакова.

Толстяк встал со стула и кивнул.

По залу прокатился шум, в котором выделялся громкий голос Андрея:

– Эт-то что за новости?

Моль терпеливо дождался, пока голоса затихнут, и сделал приглашающий жест:

– Прошу вас, Ксенофонт Карлович!

– Господи боже мой, – прошептала Эсфирь. – С таким имечком и в педагоги... Бедные дети!

Новый директор заговорил, и я поняла, что жизнь моя, кажется, скоро переменится. Господин Будаков говорил так, что мне захотелось немедленно заткнуть уши, а ещё лучше – выйти. Голос у него был слишком высокий и со странными дребезжащими обертонами, отчего в голове возникал неприятный резонанс. Мы с Эсфирью переглянулись, и она взяла меня за руку:

– Терпи! Может, он ещё ничего, надо послушать, что скажет.

Зря она надеялась: ничего хорошего мы от нового директора не услышали. С одной стороны, нас ждало сокращение («Сами понимаете, бюджет не резиновый!»), с другой – коллектив собирались укреплять и усиливать новыми кадрами.

Коллектив дружно приуныл, а я впервые в жизни пожалела, что не курю.

– Представляю вам новых преподавателей, надеюсь, коллектив их примет с радостью. Людмила Павловна Найдёнова, фортепиано, – повинувась жесту, одна из женщин встала со стула и кивнула. – Зинаида Валентиновна Прохорец, сольфеджио и музлитература. Венера Тимуровна Хазиахметова, заведующая учебной частью. После собрания на доске объявлений будет вывешено расписание моих встреч с сотрудниками, попрошу вас его изучить и на встречи не опаздывать.

Новый директор завершил тронную речь и вернулся к сво-

им спутникам. Так же, как и входили, гуськом, они потянулись к выходу.

– А Анастасия Леонидовна где? – выкрикнул женский голос сзади.

Ответа не последовало.

Дверь со сцены медленно закрылась, и в актовом зале повисло молчание.

– Что скажете, коллеги? – нарушила его Лилия Валерьевна, педагог по классу скрипки, дуайен нашего коллектива – по её словам, ей исполнилось восемьдесят два, и она себе может позволить сказать или сделать практически что угодно.

– Андрюша, дойди, посмотри, ушли ли гости, – распорядилась Ольга Михайловна, заведующая отделом струнных.

– Да какие ж это гости, это теперь хозяйева, – ответил Андрей с непонятной горечью, но в коридор выглянул. – Стоят возле доски объявлений, – отрапортовал он, вернувшись. – Видимо, вывешивают расписание.

– А в школьный чат загрузить было нельзя? – поинтересовался кто-то.

– Надо полагать, туда их ещё не пригласили.

– Ну, так надо пригласить! – ага, Покровская, второй педагог по вокалу.

Мы с Эсфирью переглянулись: эта её коллега по цеху была первойшей подпевалой любому начальству.

– Что же, дамы и господа, расходимся, – поднялся со стула преподаватель по классу аккордеона Симаков. – Жизнь

покажет, может, всё и к лучшему...

Он неторопливо побрёл к двери. Его догнала Покровская и что-то начала втолковывать, следом потянулись остальные. Наконец в зале остались только шестеро, и скрипач Володя Урмаев сказал:

– Я вот что думаю...

– Надо перебраться куда-нибудь и выпить кофе, – перебила его Лилия Валерьевна. – Вон, хотя бы в кофейню напротив. И конечно, по дороге посмотрим то самое расписание встреч, вдруг кого-то ждут уже сегодня?

Расписание и в самом деле висело на доске объявлений. Посмотрев его, я посмеялась мысленно: на знакомство с каждым сотрудником отводилось по семь минут. Не густо, скажем прямо... Конечно, если заранее подготовиться, почитать личные дела, подготовить вопросы, то... Но тогда и знакомиться можно в процессе работы!

Словно прочтя мои мысли, Лилия Валерьевна за рукав потянула меня к выходу и тихо сказала:

– Помолчи пока.

Ей-богу, словно мы в шпионском триллере!

На сегодня назначена была встреча только у Урмаева, но до неё ещё полтора часа, так что Володя успеет и кофе выпить, и высказаться.

Мы сели за столик, заказали, чего кому хотелось – лично я попросила холодного чая с лимоном и пирожное-безе, – и Андрей откашлялся.

– Они взяли третьего преподавателя по сольфеджио, – сказал он то, о чём и я сама думала всё это время. – Двух вполне хватало. Кого-то будут увольнять?

– Кого-то наверняка будут увольнять, – кивнула Лилия Валерьевна. – Вы же слышали, что говорил новый директор. бюджет не резиновый. Лично я не стану дожидаться, а завтра подам заявление. На пенсию, да с частными уроками проживу как-нибудь. А вот тебе, Таточка, нужно быть готовой, потому что, чувствую я, именно ты окажешься «третьей».

– Ещё, я думаю, они ликвидируют одно из отделений, – внезапно произнесла Эсфирь. – И как бы не вокал.

– Вокал-то почему?

– Потому что рядышком, если ты помнишь, частная школа пения, это раз. И два – а какое ещё? Струнные или клавишные нельзя, это база, народников нельзя, это не соответствует национальной идее. А вокал вроде как не при делах...

И она залпом выпила остывший кофе.

– Надо Леонидовне позвонить, что она об этом скажет, – Ольга Михайловна вытащила телефон и ткнула пальцем в экран.

Увы. Абонент был отключён...

– Ладно, я пошёл на допрос. Дождётесь меня? – спросил Урмаев.

– Семь минут? – фыркнула Эсфирь. – Я даже ещё кофе закажу, как раз успеют сварить.

Но Володя так и не появился.

Ольга взглянула на часы и заторопилась домой, ей нужно было забрать внука с каких-то там занятий. Распрощалась с нами и Лилия Валерьевна. Я проводила её взглядом – прямая спина, элегантное льняное платье, соломенная шляпка с узкими полями, уложенные в причёску седые кудри – и вспомнила бабушку. Следом потянулись воспоминания о Бежицах, и я весело стала описывать Эсфири всё, виденное там. Слушал и Андрей, а когда я рассказала о музыкальной школе, перебил меня:

– Зря смеёшься. Весьма солидное заведение, не зря носит имя Андреева.

– Ну и прекрасно, – махнула я рукой. – Вот завтра поговорю с этим Будаковым, уволит он меня, и я переберусь в Бежицы. Буду работать в той школе, а в свободное время искать могилу прадеда.

В тот момент мне показалось, что это смешно.

– Так, мне пора, – Андрей взглянул на часы.

– Погоди, я же с тобой посоветоваться хотела! – вспомнила я. – Вот погляди, что ты об этом думаешь?

В фото на экране телефона он вглядывался долго, потом покачал головой.

– О русских народных инструментах я мало что знаю. Если хочешь, могу спросить у приятеля, он, правда, не по балалаijke, а по домре спец, но это всё-таки ближе к теме. Только картинки мне перебрось.

– Спроси.

Андрей ушёл, попросившись до завтра.

– Дай посмотреть, – Эсфирь тоже долго разглядывала фотографии, потом покачала головой. – Знаешь, я бы в музей Глинки сходила. Они, по крайней мере, если не сами оценят, то подскажут, куда обратиться.

– Я и сама туда собиралась, вот прямо сейчас и пойду. Хочешь – пойдём вместе, там сегодня ещё и концерт обещали занятный. Им вернули из реставрации клавесин семнадцатого века, мастерских Бланше, и, пока его не убрали в витрину, выпустят поиграть.

– Да? – она с сомнением себя оглядела. – Вид у меня не концертный...

– Да ладно, джинсы шикарные, блузка красивая, ты хороша собой необыкновенно, чего ещё надо?

– А! – она махнула рукой. – Идём!

– Тогда план такой: заходим ко мне, обедаем и отправляемся в музей.

Так мы и сделали.

В музее от вида моих сокровищ не слишком возбудились, но всё-таки заинтересовались. Предложили передать в дар музею для научной и выставочной деятельности, я пообещала подумать. Координат своих оставлять не стала, и вообще сбежала, воспользовавшись тем, что у разговаривавшей со мной сотрудницы зазвонили сразу два телефона.

Эсфирь мои сомнения разделяла.

– Нет, понятно, что это не супер-раритет, но тётка с тобой разговаривала так, будто ты у неё пришла просить денег на чашку кофе! Надо поискать, кто ещё интересуется этой темой. Вроде бы была какая-то ассоциация музыкальных музеев?

– Поищу...

Тут вышел исполнитель, зазвучала музыка, и я выкинула из головы непонятное наследство.

Что бы там ни было, где бы ни пропадала мама поздними вечерами, но я точно знала, что на её поддержку могу рассчитывать. Поэтому утром за завтраком я рассказала её обо всём, что было вчера на педсовете – а заодно о содержимом банковской ячейки и походе в музей.

Слушала она внимательно, на предположения коллег о грядущем моём увольнении только хмыкнула:

– Ну и что? Ты собиралась в этой школе до старости сидеть, что ли? Уволят – замечательно! Пусть выплачивают всё, что положено, заберём деньги, которые нам со счёта Александры Михайловны положены, и поедем отдыхать.

– Куда? – спросила я, несколько ошеломлённая напором.

– Да какая разница? Главное, чтобы был лес и удобства в номере...

– Ладно, мам, я подумаю!

Она посмотрела на часы, охнула и убежала краситься и

одеваться. Мне, в общем, тоже было пора, так что вопрос об отдыхе остался открытым. Да и чего тут обдумывать, может, я зря нервничала, и никто меня не уволит?

Вблизи господин Будаков выглядел ничуть не приятнее, чем издалека. Одна радость, что, когда он говорил тихо, его голос был всё-таки не столь противным. Впрочем, это не имело никакого значения, потому что вчерашние предположения оказались справедливыми: мне было предложено подать заявление по собственному желанию.

– С какой стати? – я подняла бровь. – У меня пока такого желания не возникло. А если оно есть у вас, увольняйте по сокращению штатов.

– А по статье не хотите? За нарушение трудового договора, например? – господин директор не стал миндальничать. – Или неисполнение трудовых обязанностей?

– Замучаетесь судиться, – я улыбнулась так сладко, что захотелось прополоскать рот. – Вы же не думаете, что я сама по себе, и за моей спиной никого нет?

– Ну, а вы понимаете, что у меня масса возможностей вынудить вас уйти, – он отзеркалил мою улыбку. – Максимально неудобное расписание, самые тяжёлые ученики, жалобы от родителей...

В ответ я показала телефон с пишущим диктофоном.

– Адвокату моей семьи будет очень интересно послушать эту беседу. Ксенофонт Карлович, не надо. Увольняйте по со-

кращению штатов, и я немедленно освобожу вас от своего присутствия. А иначе буду цепляться за своё место всеми когтями, и вам долго-долго придётся тратить фонд заработной платы на трёх преподавателей сольфеджио.

В общем, в семь минут, отведённых на беседу с сотрудниками, господин Будаков не уложился. Увольнять меня по сокращению он не хотел, и это можно было понять – зачем новому директору связываться со сложной процедурой? «Собственного желания» не имела я. Мы препирались довольно долго, но кабинет его я покинула, свободная как ветер. В сумочке лежал мой экземпляр документа об увольнении по соглашению сторон с выплатой выходного пособия в размере двух месячных окладов.

* * *

Дорога была ровненькой, свежеуложенной. Совсем недавно я ехала по ней – пара недель прошла, не больше! – и трясло меня нещадно, так что из автобуса я тогда не вышла, а выпала. А сейчас не дорога, а платок шёлковый.

То есть, всё понятно, две недели назад старое покрытие сняли, новое ещё не положили, и ехали мы, как в старые времена, почти по грунтовке. За это время ремонт закончился, и дорога снова стала привычной, гладкой.

Но я предпочитаю думать, что это вот так, шёлковыми

платками, выстелен мой путь в новую жизнь.

За окном автобуса мелькали деревни – новые кирпичные особняки и совсем старые, просевшие, серые деревянные избушки; несколько раз попадались остовы сгоревших домов. Потом проскакивала табличка с перечёркнутым названием, и снова начинался лес.

Я посмотрела на часы: половина первого, ещё минут двадцать-тридцать, и приедем.

Розалия Львовна ждёт меня, ждёт и пустующая половина того самого дома, и директор бежицкой музыкальной школы, по словам той же Розалии, «потирает лапки от радости». Ни разу в жизни я так круто не меняла... всё. Почти всё. Город, окружение, образ жизни... Получится ли?

* * *

За прошедшее время я успела довольно многое.

Для начала созвонилась с Розалией и спросила, что она думает о перспективе принять меня в коллеги по работе и соседи по дому. Та похмыкала и ответила, мол, выяснит, свободна ли вакансия и перезвонит.

Как оказалось, желающие преподавать сольфеджио и музлитературу в бежицкой музыкальной школе в очередь не выстраивались. Место было свободно, зарплата, по предварительным сведениям, должна была быть ненамного меньше московской, и половина дома, предназначенная для сотруд-

ника школы, всё ещё пустовала.

С этой стороны всё складывалось отлично. Но сторон в нашем неправильном многоугольнике было ещё достаточно...

Во-первых, мама. Когда они с отцом поженились, ей было девятнадцать, и в его дом она пришла прямо от родителей; через год они погибли в автокатастрофе, мне тогда только-только исполнилось два месяца. Всю мою жизнь за нашими спинами стояла бабушка. Александра Михайловна. Организовывала, направляла, решала, находила деньги и возможности, нанимала домработниц, составляла меню, успевая при этом работать и подниматься вверх по карьерной лестнице. Сможет ли мама жить сама, без подпорки?

Я утешала себя тем, что уезжаю не на другой конец света, если что – стоит свистнуть. Утешалось плохо.

Во-вторых, я ведь тоже не сказать, чтобы была очень уж самостоятельной. Конечно, два года замужества приучили меня хоть к какой-то независимости, но не уверена, что эти уроки я хорошо выучила.

В-третьих, вопрос с бабушкиными сокровищами так и остался нерешённым. Сама не знаю, отчего меня так заботила собственная неосведомленность в их истории и ценности, но вот дёргалось, точно больной зуб.

Увы, ни бывшие коллеги-народники, ни музей определённости в этом вопросе не добавили.

Кстати, коллеги во мгновение ока стали именно вот бывшими. Меня исключили из школьного чата, не позвали на

вечеринку, устроенную по случаю начала учебного года и даже по телефону разговаривали... не то, чтобы сухо, но отстранённо. Как с чужой.

Я ужасно огорчилась – мы восемь лет вместе проработали! С Эсфирью были лучшими подругами, она меня подменяла, когда я с гриппом свалилась, я ей жилеткой служила, пока она разводилась! Я Андрею самого крутого остеопата в Москве нашла, когда он в каком-то своём походе спину свернул! Поплакала даже минут пять, а потом поняла внезапно: так ведь чужие и есть. Отрезанный ломоть, вот как это называется.

Ладно, переживём. Уже пережили.

Вот бабушка – это потеря, настоящая, горькая, а бывшие коллеги – это всего-навсего бывшие коллеги.

Автобус в последний раз повернул, и моим глазам предстала площадь со старинными торговыми рядами, ремонтирующимся храмом и стелой в память погибших. Городской парк уже подёрнулся золотом осени, в листве пряталась красная крыша музыкальной школы, и огромная лужа у крыльца магазина тканей за прошедшее время нимало не уменьшилась.

Приехали.

Бежицы.

Накормив меня поздним обедом или ранним ужином, Розалия Львовна строго сказала:

– Сложи посуду в раковину и сядь, есть разговор.

– Что там той посуды, две тарелки, – пробурчала я, но послушно сунула всё в раковину и села напротив тётушки.

– Теперь рассказывай в подробностях, что произошло, – велела она.

Н-да, похоже, на смену бабушке пришла другая командирша. Ну да ладно, могу и рассказать. Кратко – чего там рассусоливать – я описала памятное собрание, нового директора и беседу с ним. Розалия покивала и спросила:

– И почему ты не позвонила прежней директрисе?

– Не знаю, – пожалала я плечами. – А смысл? Этот... Ксе-нофонт уже назначен, разговор с Анастасией Леонидовной ничего не изменит. Предположим, я узнаю, что её перевели в министерство или наоборот, ушли на пенсию – и что?

– Будешь знать, куда ветер дует.

– Точно не в мои паруса, – отрезала я. – Моё дело – преподавать, раз уж это у меня получается.

– Кстати, а почему сольфеджио? Почему не инструмент?

Тут я поморщилась: не люблю эту историю, но, наверное, придётся рассказать. Положила на стол левую руку, которую обычно держу на коленях, и показала безымянный палец и

мизинец, согнутые и испещрённые мелкими красными шрамами.

– Мне было шесть с половиной, и мы поехали на Селигер. На машине. Бабушка была за рулём. Ну и попала в аварию. Ничего катастрофического не случилось, но разбилось боковое стекло, как раз рядом со мной, и осколками вот тут перерезало сухожилия, – я шевельнула скрюченным пальцем. – Поскольку мне достался от отца абсолютный слух, я в конце концов стала преподавать сольфеджио. Как-то так.

– Понятно...

Розалия поднялась из-за стола, налила в чайник воды, включила его и стала доставать чашки и какие-то банки с вареньем. Я подошла к раковине и начала мыть посуду. Говорить в самом деле было не о чем, ведь так?

Об одной вещи я умолчала – о содержимом банковской ячейки. Не потому, чтобы не доверяла тётушке, просто... мы ведь мало знакомы. Вот Эсфирь я вроде бы знала куда лучше и дольше, а оказалось, что вовсе и нет. Не знала.

Накануне отъезда мне позвонили с незнакомого номера, я ответила. Мужской голос обратился по имени и отчеству и попросил встретиться за чашкой кофе. Мол, есть вопрос, обсуждение которого может быть интересно нам обоим. Мне не трудно было спуститься в кофейню. Так что через час я уже сидела за столиком напротив средних лет господина в дорогом костюме, с отличной стрижкой и «ролексом» на запястье.

Ладно, даже если «ролекс» поддельный, всё равно любопытно.

Как оказалось, господин этот представлял некоего коллекционера, заинтересовавшегося моей собственностью. Поскольку из всяких видов собственности, помимо души и тела, мне принадлежала только унаследованная от бабушки часть квартиры и содержимое банковской ячейки, даже не пришлось переспрашивать, что конкретно привлекло этого собирателя.

Вежливо поулыбавшись, я обещала подумать, взяла у господина с «ролексом» визитку и ушла.

И скажите мне, как это информация о моем наследстве так быстро добежала до неведомого коллекционера? Знали о самоучителе и балалайке только Эсфирь и Андрей, у обоих были фотографии, так что выбор оказался невелик.

Почему я почти уверена, что информация протекла именно от Эсфири? По двум причинам.

Во-первых, Андрей невообразимо далёк от коллекционирования. Походы, палатки, альпинизм, сплавы по горным рекам, мотогонки – вот где можно хватануть адреналина, туда его и тянет. А раскладывать по альбомам марки или кисточкой смахивать пыль с мейсенских статуэток он не станет. Значит, в этих кругах у него знакомства могут быть только совсем уж случайные.

Во-вторых, бывшая свекровь Эсфири работает секретарём у какого-то крупного бизнесмена, и вот он-то как раз

из числа собирателей. Кажется, букинист. Впрочем, это не так важно, существеннее другое – со свекровью моя дорогая подруга сохранила прекрасные отношения, так что вполне могла рассказать о том, что видела своими глазами.

С другой стороны, может быть, и стоит сказать спасибо за переданные сведения, по крайней мере, теперь понятно, что это странное наследство чего-то стоит. Ну и хорошо. Полежит в банковской ячейке, всяко уж до конца года она оплачена, а дальше видно будет.

Когда чай был допит, Розалия спросила:

– Ты как, очень устала?

– Да нет, нисколько. От чего было уставать, сидела в поезде, потом в автобусе... А что?

– Пойдём, погуляем. Погода хорошая, золотая осень во всей красе. Покажу тебе, что у нас где, заодно с соседями познакомлю.

И мы пошли гулять.

Городок и в самом деле был весь в золотом и красном. В городском парке даже росли какие-то особые клёны, чуть ли не японские, с особенно яркой листвой. Палисадники цвели флоксами и георгинами, яблони в изнеможении склоняли ветви под грузом плодов. Почти у каждой калитки стояло ведро, наполненное яблоками.

– А у нашего дома сад есть, я не заметила?

– Конечно, есть! Какой смысл жить в частном доме, если без сада?

– И яблони?

– Три – антоновка, коричное и мельба. И что с яблоками делать, ума не приложу! – Розалия искоса глянула на меня и рассмеялась. – Нет, пока это не катастрофа. Мы с соседями вскладчину купили сушилку для фруктов, так что мельбу я уже засушила. Для антоновки время не пришло, сейчас надо коричневыми заниматься. Варенье буду варить.

– Можно ещё чатни сделать, – вспомнила я.

– Это что такое?

Тут уже настала моя очередь смеяться.

– Такая индийская приправа. Бабушка фыркала, называла её «солёное варенье», а мы с мамой любим. Яблоки, имбирь, острый перец, сахар...

Розалия заинтересовалась, выслушала рецепт и задумчиво кивнула.

– Надо будет попробовать и соседям показать. Яблочный год, что ж тут поделаешь, у всех завал, варенье и компоты уже девать некуда. А в прошлом году хоть бы одно яблочко для смеху висело!

Как и в прошлый мой приезд, идти по улицам рядом с Розалией Львовной было затруднительно. Правда, теперь прогулка осложнялась ещё и тем, что примерно трети встреченных горожан она меня представляла. Ещё трети просто кива-

ла, остальные оставались за бортом этого праздника жизни.

Так меня познакомили с четырьмя соседками, продавщицами из мясной и рыбной лавки, водителем молочного фургона, начальником пожарной части, участковым и, наконец, концертмейстером музыкальной школы. Остальных я просто не запомнила...

Встретились нам и монахини, которым Розалия просто сухо кивнула. Когда они отошли от нас довольно далеко, я поинтересовалась:

– Тётушка, а что это вы с ними так суровы?

– А! – она махнула рукой. – Это ж не наши, опять гости приехали.

– И в прошлый раз вы говорили, что та женщина... как же её... А, сестра Агафья! Что её в здешний монастырь прислали.

– Ну да... Оказывается, наша матушка Евпраксия придумала тут школу вышивальщиц открыть. Вот и приезжает то одна, то другая, она преподавательниц подбирает.

– А что, так можно? – удивилась я.

В ответ Розалия лишь пожала плечами, явно не желая продолжать этот разговор.

Часть 3. Осень, золотая и не очень

Работа в музыкальной школе города Бежицы почти не отличалась от той, что была в Москве. С одной стороны.

Дети – они везде дети, и им было скучно петь *до-ре-ми* хоть на один голос, хоть на три. Но я-то знала, куда мы идём: мои ученики из прошлых классов научились читать ноты, как книги – то есть, слышать музыку, ничего не играя на инструменте. А раз направление ясно, значит, надо идти.

И я придумывала игры и конкурсы, что угодно, чтобы нотная грамота стала такой же естественной и понятной, как чтение книг. Или компьютерные игры.

Со другой стороны, эти дети отличались от московских. Им изначально в жизни досталось меньше преимуществ, и, значит, ещё несколько лет – и придётся решать, оставаться ли в отчем доме, работать в Бежицах, или отправляться покорять Тверь, а то и Москву.

Но одно могу сказать определённо: все мои ребята были талантливы. От голоса Наташи Куценко сердце сжималось в комок, скрипка в руках Славы Драгомира пела... И, кстати, были и балалаечники! Впервые в жизни я услышала, как группа народных инструментов исполняет классику, и не пожалела ни разу.

Так что с работой – тьфу-тьфу – складывалось неплохо. Неплохо вышло и с жильём. Мне в самом деле выдали

ключи от второй половины дома, в котором принимала меня Розалия Львовна, это называлось «служебной квартирой». Размером это жильё было куда меньше нашей московской квартиры, всего-то комната, кухня и терраса, ну, а зачем мне больше? Даже если мама приедет посмотреть, как я устроилась, мы с ней вполне разместимся в комнате вдвоём...

Но пока материнский визит не намечался, о нём даже разговора не было. Отложена была – до января, или даже до весны! – и поездка на отдых, под тем соусом, что вот-вот начнутся дожди и распутица, никакого удовольствия от прогулок по парку не будет.

Определённо мама завела роман.

И слава богу, сколько ж быть в одиночестве? Лишь бы только её не обманули и не обидели. Ничего, выжду пару недель, а потом нагрюну в Москву в стиле кавалерийской атаки, быстрой и беспощадной, проверю, кто и что. Яблочного варенья привезу, ага...

Итак, я работала четыре дня в неделю, вторник был выделен на самоподготовку, занималась заготовкой яблок вместе с Розалией (а куда было деваться?) и потихоньку привыкала к неспешной жизни провинциального маленького городка. Иногда по утрам до начала уроков я успевала зайти на кладбище. В это время там работали две или три монахини, обихаживали захоронения вокруг собора. Я же побродила по территории некрополя, действительно немалой, и убедилась:

большинство захоронений в таком состоянии, что надпись на плите можно только угадать. Если повезёт. А это означало, что могилу прадеда мне просто так не найти. Ну что же, в следующий раз я пришла, взяв с собой резиновые перчатки, жёсткую щётку, скребок, ведёрко для воды и чистящий порошок. Понаблюдала за работой монахинь, выбрала несколько заросших плит из числа тех, которыми сёстры не занимались, и взялась за дело.

За пару недель эта работа стала привычной, руки действовали сами, а в голове тем временем прокручивались сюжеты следующих уроков, конкурс рисунков или оркестр цветов. Агата Кристи утверждала, что убийства придумывает за мытьём посуды, так вот, я убеждена, что очистка гранитных или мраморных могильных плит от лишайника и вековых наслоений грязи в этом смысле ничем бы не уступала. Даже жаль, что криминальное мышление мне не присуще...

В последнее воскресенье сентября я проработал на кладбище до полудня.

Разогнулась, повела затёкшими плечами, вылила из ведёрка грязную воду и аккуратно сложила в него все свои инструменты. Попрощалась с тремя монахинями, занимавшихся сегодня надгробием местного святого, Афанасия Короткова – в Бежицах считалось, что он помогает женщинам, чьи дети сбились с пути – и пошла к воротам, привычным жестом положив монетку в пластиковый стаканчик нищему,

расположившемся на ступеньках храма.

– Таточка, – произнёс вдруг тихий хриплый голос.

Я повернулась, взгляделась в знакомое отчего-то лицо с ключковатой пегой бородкой и ахнула:

– Дядя Миша?

Боже мой, да откуда же он взялся здесь, в Бежицах?

Сколько я себя помню, дядя Миша, Михаил Николаевич Каменцев, был нашим соседом по лестничной площадке. Когда-то, в середине пятидесятых годов двадцатого века, когда построили наш дом, в соседние квартиры на пятом этаже въехали две семьи – моя бабушка с новоиспечённым мужем и столь же молодая пара, Николай и Лида Каменцевы, у которой через несколько лет родился сын. Когда ему исполнилось десять, именно Александра Михайловна заметила, что у мальчика хороший слух и убедила родителей отдать его в музыкальную школу. Музыкой Миша увлёкся страстно, но точно так же был увлечён и техникой, чертежами; механизмы его завораживали и хотелось немедленно узнать, как же это работает.

В конце концов Михаил Николаевич стал не пианистом, а настройщиком роялей.

Наш музыкальный мир большой, но очень тесный, все всех знают. Несколько раз и я слышала, что он считается одним из лучших в Москве специалистов по особо ценным инструментам, и настраивать рояли, например, в музее Скря-

бина, приглашают именно его.

Выглядел сосед хреново. Импозантный моложавый джентльмен, всегда носивший галстук-бабочку или необычайной красоты шейный платок, превратился в сгорбленного старичка с неопрятной бородой и в старой куртке.

– Дядя Миша, что вы здесь делаете?

– Я теперь тут живу, Таточка... – он усмехнулся, но получилось невесело. – А ты как тут, на экскурсию приехала?

Думала я недолго.

– Я тут работаю в музыкальной школе. Так, дядя Миша, пойдёмте-ка со мной. У меня обед готов, поедим и поразговариваем, ладно?

Старик беспомощно оглянулся на раскрытую дверь церкви, откуда как раз выходил священник – молодой, гладкий, с окладистой бородой. Тот почувствовал, что на него смотрят, повернулся, и окатил нищего таким зарядом презрения и брезгливости, что дядя Миша даже отшатнулся.

Ах ты...

Тоже мне, столп нравственности! Да тебе положено помогать страждущим, а не смотреть на них, словно на тараканов!

Мне всё же хватило разумности промолчать, и духовное лицо прошествовало мимо нас в сторону кирпичного трёхэтажного дома, стоявшего у ограды.

Здесь, в Бежицах, всё рядом, и сегодня меня это радовало,

как никогда. Уже через четверть часа дядя Миша сидел на моей кухне, мы с ним ели винегрет, а на плите разогревались суп и котлеты, начинал свистеть чайник, и яблочное варенье ожидало своего часа, светясь золотистыми дольками.

Я заварила чай, разлила его по чашкам, положила варенье в большую розетку и придвинула к гостю. Он грустно вздохнул.

– Вот и Александра Михайловна меня всегда сладким кормила. Говорила, чтобы мозги лучше работали.

Честно говоря, я с трудом представляла себе мою суровую бабушку варящей варенье, но кто ж знает, что там было пятьдесят лет назад?

– Так что произошло, дядя Миша? Расскажите?

– Расскажу, секрета тут нет, – он снова вздохнул. – Обманули меня.

Слушая рассказ старого знакомого, я внутренне кипела от негодования. Ох, что бы я сделала с этими мерзавцами, если бы была у меня возможность! Оказывается, дядя Миша стал терять самое главное для настройщика: слух! Тут я мысленно отбросила идею рекомендовать его на работу в школу...

Ну, а раз работать ему становилось всё труднее, он решил выйти на пенсию. Большая квартира в центре Москвы вроде бы тоже оказывалась ни к чему, поэтому дядя Миша составил план: продать квартиру на улице Фадеева, на выру-

ченные деньги купить однокомнатную плюс хорошую дачу, с газом и удобствами. Вот только обратился, получается, не к тем посредникам...

Дача превратилась в разваливающуюся деревянную хибару в Бежицах, городское жильё – в крохотную квартирку в пятиэтажке в Выхино, а накопления со счёта и вовсе растаяли. Как это всё вышло, Михаил Николаевич не понимал, только руками разводил.

Посмотрев на часы, я покачала головой: время поджимало, сегодня у меня первый урок в два часа дня начинается. Дядя Миша заметил этот беглый взгляд и стал подниматься из-за стола:

– Пойду я, Таточка, спасибо тебе.

– Куда это вы собрались? – спросила я сварливо.

– Как – куда? У меня дом есть, я ж не на улице живу. Просто там... неудобно. Да и до пенсии осталась неделя, так что пришлось вот... к храму идти.

– Давайте так, дядя Миша. Я отработаю свои пять уроков сегодня, буду дома примерно в половине восьмого. Мы с вами поужинаем и поговорим, ладно?

– Ну-у... – он замялся. – Хорошо, я вернусь к восьми. Ты ужинай, не жди меня, пожалуйста.

И он проворно, с удивившей меня скоростью выскочил за дверь. Я ж вздохнула, быстро помыла посуду и пошла переодеваться в учительское; детям-то всё равно, буду я в джин-

сах или в строгом костюме, хоть китайский халат надевай, а вот руководству школы хочется, чтобы учителя выглядели традиционно. Ну и ладно, спасибо, форму не ввели...

На подходе к школе меня окликнули:

– Тата, тебя в выходные ждать?

– Не знаю пока! – я повернулась и почти уткнулась носом в мужскую грудь, обтянутую пижонской курткой из тонкой кожи. – Привет, Стас!

– Здравствуй, солнце моё! – улыбка у Станислава Бекетова была совершенно неотразимая, он это отлично знал и пользовался без зазрения совести. – А что так? У тебя только стало получаться...

– Надо в Москву съездить, проверить кое-что.

– Расскажешь?

Задавая этот вопрос, он наклонился к моему уху и мурлыкнул уж совсем интимно, так что у меня по спине пробежали мурашки. Я отодвинулась.

– Не нарушай моё личное пространство, Бекетов! А рассказать... Может, и расскажу. Ты завтра сможешь ко мне заглянуть, у меня окно с часу до двух будет?

– Загляну. Заодно и пообедаем?

– Чаю попьём, – сурово ответила я. – И пирожки приносишь ты!

– Договорились!

Через мгновение за моей спиной взревел мощный мотор,

и шальной кометой пронёсся сверкающий хромом и чёрным лаком монстр. Станислав Бекетов, капитан полиции в городском отделе розыска, был фанатом марки «Харлей Дэвидсон» и вот уже третью неделю учил меня ездить на мотоцикле.

Скажу честно, даже подходить к «Харлею» мне было очень страшно...

Кому-то может показаться странным появление среди моих близких знакомых такой неоднозначной фигуры – как же, полицейский, сыщик... Но познакомились мы самым естественным путём: старший брат Стаса, Виктор, преподавал в бежицкой музыкальной школе по классу балалайки и домры. В первый же день моей работы он задал мне вопрос по недавно разработанной новой методике, я ответила. Виктор заспорил.

Потратив целый вечер на проверку информации, я пришла к выводу, что он был прав, в чём честно и призналась на следующий день. Отсюда уже оставалось полшага до приятельских отношений.

Не дружбы, нет: в самый ближний круг я всегда неохотно впускала кого бы то ни было, и до съедения пресловутого пуда соли нам оставалось ещё много дней. И о полученных в наследство от бабушки предметах, тихонько лежащих в банковской ячейке, я Виктору пока не рассказала.

Куда спешить?

Через неделю после того, как я начала работать в школе, Виктор отмечал день рождения, и пригласил меня на пикник. Не только меня, ещё нескольких коллег более или менее нашего возраста; со старшим поколением он чинно разделил в учительской яблочный пирог и чай. А мы в выходной отправились в ближайший лесок, расположились на полянке, разожгли костёр в аккуратно откопанной ямке... Вот тут-то и подкатил закованный в кожу ковбой на «Харлее».

В первый момент это знакомство меня напрягло. Во-первых, оперативник, полицейский, совсем другой уровень бытия. Во-вторых, стоимость мотоцикла такого уровня, по моим представлениям, превышала возможности наёмного работника примерно на два порядка. В-третьих, Стас был пижоном, а этот тип мужчин я терпеть не могу.

В общем, понятно.

Но Стас был настойчив и ненавязчив одновременно, и я сама не заметила, как попала под его обаяние.

Появление мотоцикла тоже получило объяснение: «Харлею» было больше двадцати лет, Бекетов купил его почти развалиной и сам ремонтировал.

– Долго? – спросила я.

– Долго. Года полтора, – Стас махнул рукой. – Узнал много нового, ты себе и представить не можешь, сколько! Зато теперь с любым железом на ты.

– То есть, руки у тебя растут откуда надо?

– Пожалуй, да. Вот с музыкой не складывается...

– Братцу медведь на ухо не просто наступил, он там джигу станцевал! – ухмыльнулся именинник.

– Отлично, – сказала я. – Буду знать, кого звать в случае чего!

Когда Стас предложил научить меня ездить на мотоцикле, и вообще, присоединиться к их байкерской тусовке, я задумалась. Конечно, права у меня были: сразу же, как мне исполнилось восемнадцать, бабушка оплатила мне курсы вождения и проследила, чтобы я сдала экзамен. Корочки были получены, отправлены в ящик с документами и благополучно забыты. Не складывалось как-то с покупкой машины...

Но одно дело иметь право на вождение, а другое – самой завести мотор и тронуть с места железную махину весом в несколько сот килограммов. И я почти отказалась.

Почти.

Потому что в голову мне вдруг пришло неожиданное соображение: я изменила свою жизнь круто и внезапно. Так, может быть, не стоит на том останавливаться? В прошлой жизни было спокойное и комфортное существование под крылышком старших родственниц, и недолгое замужество взрослому не помогло, я так и оставалась младшей в семье. В этой, новой, я сама за себя решаю, сама совершаю собственные ошибки и расхлёбываю их последствия. Оседлать железного монстра, разве это не будет логичным продолжением изменений?

Я посмотрела на Стаса.

– А если не справлюсь и сломаю?

Он пожал плечами.

– Испортишь – научишься чинить, а я помогу. Так что, по рукам?

И я согласилась.

Примечательной показалась мне реакция на моего нового приятеля со стороны Розалии: тётушка фыркнула, пожалала плечами и сообщила:

– Парень хороший, только ветра в голове много. Не иначе, ездит слишком быстро!

В первый момент я поразились её равнодушию. Ну как же так, она же сама говорила, что я её единственная родственница по крови – и вдруг пожимает плечами, и всё? Вот бабушка бы...

И остановила себя: а что – бабушка? Помнится, мой брак развалился отчасти и благодаря её усилиям... Не хочу сказать, что без методичного вмешательства Александры Михайловны мы с Кириллом по сей день составляли бы «ячейку общества», но кто знает?

Вот то-то и оно...

К ужину дядя Миша не пришёл. Я подождала его с полчаса, потом съела свою котлету с картошкой и забралась под плед с книжкой. Где я живу и где работаю, бывший сосед знает, надумает – придёт. Взрослый человек, и уже довольно

давно.

Несмотря на правильные мысли, червячок беспокойства начал тихонько грызть меня изнутри. «Ладно, – решила я, в третий раз взбивая подушку и переворачиваясь на другой бок. – Ладно, завтра я посоветуюсь с Бекетовым. Уж он-то должен знать, кто привёз в его город старика, которому не на что жить, привёз – и бросил, как надоевшую кошку!»

* * *

Пирожки были с капустой и, ясное дело, с яблоками. Стас успел изучить мои предпочтения – говорю же, настойчив, но ненавязчив... Я разлила по кружкам свежесваренный чай, откусила от капустного пирога и кивнула.

– Наташа сегодня работает?

– Ага.

– Заметно.

В маленькой пирожковой работали две сестры; у одной отлично выходила несладкая выпечка, у другой, соответственно, наоборот. Приходить к ним нужно было точно в момент выноса очередного противня, иначе вместо вожделенных пирожков тебе доставался только запах сдобы. Стас сегодня успел вовремя.

Когда последние крошки теста были тщательно подобраны с тарелки, Бекетов посмотрел на меня вопросительно.

– Расскажешь, что тебя в Москву тащит?

– Вообще-то у меня там мама, – буркнула я. – И некоторая оставшаяся жизнь.

– Мама – это святое, – согласился он. – Вы каждый день по телефону разговариваете?

– Нет, конечно! Раза два-три в неделю. Ей некогда, я занята...

– Ну вот, и я о том. А раз ты срываешься в срочном порядке, значит, какие-то новые входящие. Я прав?

Вздыхнув, я рассказала о дяде Мише. Вопреки моим опасениям, Бекетов выслушал внимательно, даже пометил кое-что в записной книжке. Потом кивнул:

– Выясню, где он живёт и на что. Осторожненько! – он примирительно поднял ладони. – А вот тебе соваться за выяснениями к риелторам я бы не советовал. Съедят.

– Я и не собиралась «соваться»! Просто так... порасспрашивала бы.

– Вот что... – Стас подумал, потом кивнул сам себе. – Я тебе сейчас скину координаты двух моих друзей. Один из них работает на Петровке, а второй... ну, сама увидишь. Со звонись, встретиться, можно сразу с обоими, если они смогут, и всё расскажи – про соседа, как его обманули и чего ты хочешь добиться.

Телефон тренькнул, принимая сообщение.

Я взглянула на часы и со вздохом поднялась.

– Пора! Пойду мучить детей.

– Валяй. Поедешь завтра?

– Да, до трёх я работаю, в четыре как раз должен быть автобус.

– Ну, удачи! – и Бекетов быстро вышел.

Входя в класс, я услышала, как за окном сытым хищником заревел «Харлей».

Вечером дядя Миша снова не появился. Правда, в двери моего дома торчала записка на довольно замызганном листочке из тетрадки, написанная прекрасным, почти каллиграфическим почерком: «Таточка, дорогая, прости, что не пришёл. Не уследил за временем. Ещё свидимся! М.Каменцев».

Зачем-то я старательно сложила листок и убрала в кармашек сумки. Потом сжевала холодную котлету и подошла к окну. В осенней тьме поднявшийся ветер дёргал ветви яблонь, раскачивал рябину, брякал чем-то металлическим на улице. В моей голове крутился заданный Стасом вопрос: а чего же я хочу добиться?

* * *

Удивительное дело, но автобус уже стоял с распахнутыми дверями, водитель сидел на месте и решал кроссворд. Я протянула ему две сотки, и ко мне обратился недовольный взгляд.

– А чего мне-то? В кассу вон идите.

– Закрыто там, обед, – объяснила я.

– Не положено мне деньги принимать.

– Ну так обед-то до пятнадцати минут пятого, а вы в четыре отправляетесь, получается, что я пропущу автобус. А сегодня больше и не будет, – я попыталась воззвать к его логике. – Да и по дороге люди же будут садиться и вам платить, значит, можно?

– В кассу идите, – повторил этот дундук и отвернулся.

Мысленно выругавшись, я вышла из автобуса и побрела в сторону кассы. Там было по-прежнему закрыто на обед. Отлично продуманный план разваливался на глазах. Взять такси? Ладно, не такие уж большие деньги, можно пережить, хотя и жалко. Вот только где я его возьму? Приложение показывает отсутствие машин в радиусе двадцати километров, ни одного такси на площади у автостанции не видно... Да вообще никого нет, кроме меня и пустого автобуса с любителем кроссвордов, чтобы ему ни одного поля правильно не заполнить! Странное дело – пятница, вторая половина дня, и никому не надо в Тверь? Что случилось-то?

Отголоском моих собственных мыслей за спиной прозвучал женский голос.

– Что случилось-то? – повернувшись, я увидела смутно знакомое лицо, вроде бы, какая-то из бежичанок, здоровавшаяся с Розалией. – Ты чего тут с сумкой кукуешь?

– Да вот думаю, как до Твери добраться.

– А что Лёха, не поедет, что ли?

Я пожалала плечами. Поедет, не поедет – мне без разницы, главное, что лично меня возить отказывается. Тётка сочувственно покивала.

– Это он с женой поскандалил, вот и...

– Да и чёрт с ним, – грубо ответила я. – С ним, с его женой, тещей и детьми. Мне надо сегодня уехать и в воскресенье вернуться. Я бы и на такси поехала, только не вижу ни одного.

– Если заплатите, муж мой вас отвезёт, – отчего-то тётка перешла на «вы». – Полторы тыщи дадите?

– Дам, – ответила я сумрачно.

Через десять минут престарелая «Тойота» уже сворачивала в сторону дороги на Тверь. Автобус по-прежнему стоял пустым.

Около восьми вечера я шла знакомой дорогой от метро к дому. Свернула во двор, миновала продуктовый магазин в подвальчике, обошла кусты сирени и подняла взгляд на окна. Наши были тёмными, а в квартире дяди Миши – бывшей квартире дяди Миши! – горел свет на кухне и в гостиной. «Мамы нет дома? – промелькнула мысль. – Или спит? Да ну, в такое время спят только младенцы, да и то не все... Может, зайти в соседнюю квартиру, посмотреть, кто там теперь живёт? Нет, сперва встречусь с приятелями Стаса, а потом поглядим...»

Дома и в самом деле было пусто.

Я заглянула в холодильник – кастрюлька с бульоном, несколько ломтиков сыра, масло, яблоки, пакетик сливок, всё свежее. Пыли нигде нет, земля в цветочных горшках не пересохла... Ага, полотенце, брошенное на горячую трубу в ванной, ещё влажное. То есть, маму я не застала совсем чуть-чуть. Интересно, куда она отправилась – в театр, в кино, в гости? На свидание?

Чуть помедлив, открыла дверь бабушкиной комнаты. Здесь ничего не изменилось, на полированной поверхности туалетного столика лежал тонкий слой пыли, горшки с фиалками вынесены в гостиную. Видимо, мама не хотела лишний раз сюда заходить. Ах, бабуля, что ж ты сделала с нашей жизнью? Такой удобной, такой беспроблемной, такой... никчemuшной? Ведь маме было всего двадцать пять, когда отец освободил нас от своего присутствия! Двадцать пять! И ещё двадцать с лишним лет она прожила в странной семье из трёх женщин. Господи, да даже если она до утра не вернётся, я не удивлюсь!

Ключ в замке повернулся в половине двенадцатого. На пороге стояла мама, а из-за её плеча заглядывал в квартиру мужчина. Нет, неправильно говорю, не из-за плеча, а скорее над головой, упираясь ей в макушку подбородком.

– Добрый вечер, – непринуждённо произнесла я, выходя на свет. – Хорошо, что ты пришла рано, а то я уже носом клевала.

– Добрый... – чуть запнувшись, мама перешагнула порог и повернулась к своему спутнику. – Заходи, Серёжа, познакомься. Это моя дочь Татьяна. Таточка, а это мой друг Сергей Валерьевич.

– Тата, – я протянула руку. – Рада знакомству.

Мужчина осторожно сжал мою ладонь. Пальцы у него были не противные – тёплый, сухие и твёрдые, словно у человека, много работающего руками.

– Думаю, просто Сергея будет достаточно, – сказал он. – Алёнушка, всё в порядке? Дело в том, Таточка, что ваша мама увидела свет в окнах и решила, что это залезли воры. Пришлось мне подняться сюда с ней вместе.

– Действительно, я же не предупредила, что приеду, – светски улыбнулась я. – Ну, слава богу, что всё выяснилось. С вашего разрешения, я пойду спать, очень устала. Если хотите есть...

– Нет, спасибо, мы поужинали, – мама взглянула на своего спутника. – Разве что чаю?

– Пожалуй, я откажусь. Тата права, завтра рано вставать.

– Суббота же! – мама явно не понимала ситуацию. – Ну, как хочешь...

Она прошла в гардеробную, на ходу сбрасывая с плеч пальто, и мы с новым знакомцем остались в прихожей вдвоём. Не скрываясь, я осмотрела его: высокий, не меньше Стаса, широкоплечий, подтянутый. Мамин ровесник или чуть старше. Тёмные глаза, светлые волосы, настолько, что седи-

на не видна. Улыбка... хорошая улыбка, в меру. Я поглядела ему в глаза.

– И давно вы знакомы?

– Три года.

– Ого!

– Алёна не хотела знакомить со мной семью...

– Я не хотела знакомить с тобой Александрю Михайловну! – резко сказала мама. – Это её совершенно не касалось. Так что, ты останешься?

– Нет, поеду. Завтра и в самом деле нужно рано встать, тренировка в восемь.

– Тренировка?

– Спортивное ориентирование, – он покрутил рукой в воздухе. – Последние хорошие деньки, надо ловить погоду. Все-го доброго, Тата, спокойной ночи. Милая... – и он, не скрываясь, поцеловал маму, после чего вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Чуть покраснев, мама повернулась ко мне и спросила с вызовом:

– Хочешь что-то сказать?

– М-м-м... Спокойной ночи?

И я ушла спать. Нет, правда, у меня был длинный день: три сдвоенных урока, маленькая контрольная в третьем классе у струнных, дорога до Твери, дорога до Москвы, дорога по Москве...

Завтра, всё завтра! Оле-Лукойе, где твой разноцветный

ЗОНТ?

Часть 4. Справедливость? Ай, бросьте!

Когда-то, при бабушке, завтраки по выходным были обставлены празднично: стопка блинчиков на блюде, икра в хрустальной икорнице, масло, сметана, мёд, для меня варенье, непременно клубничное...

Печь блинчики я поленилась. Попялившись в холодильник, вздохнула и сделала французские гренки. Мама пила кофе, ела гренки и помалкивала. Наконец тарелки опустели, я сунула их в посудомойку, вернулась за стол и, решив не тянуть время, спросила:

– Скажи, кто живёт сейчас в соседней квартире?

Мама пожала плечами.

– Сто лет никого из соседей не видела. Михаил Николаевич вроде уехал куда-то на лето, а Полторацкие...

– Полторацкие тут ни причём. Михаил Николаевич пытался продать свою квартиру, его облапошили и выкинули из Москвы, – перебила её я. – Он теперь почти бомжует в Бежицах.

Ахнув, мама всплеснула руками.

– Да как же так?

– Вот так. Вчера кто-то был там, в той квартире. Ты можешь узнать у Ираиды, кто и что?

Ираида Павловна, наша старшая по дому, отчего-то питала глубочайшее почтение к бабушке. Отсвет этого почтения доставался и маме, меня за взрослую не считали.

– Узнаю. А ты что собираешься делать? Только умоляю, не суйся в самое пекло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.